

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В АСПЕКТЕ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Журабеков Исмоилбек Шукурулло угли

Студент Ташкентского государственного юридического университета

***Аннотация:** в статье рассматривается искусственный интеллект в качестве объекта гражданских правоотношений, исследуются проблемы имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности систем искусственного интеллекта. С применением сравнительно-правового метода анализируются подходы различных государств, предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, гражданское право, компьютерно-генерированные произведения, правосубъектность, законодательство Узбекистана.*

Гражданское право на протяжении столетий оперировало устойчивым набором базовых категорий, центральное место среди которых занимает разграничение субъектов и объектов правоотношений. Технологическая революция, связанная с появлением систем искусственного интеллекта, впервые со времён введения института юридического лица поставила данное разграничение под серьёзное сомнение.

Системы искусственного интеллекта не вписываются в данную схему ни как физические, ни как юридические лица. С одной стороны, они демонстрируют поведение, внешне напоминающее проявление воли. С другой стороны, данная «воля» является результатом вычислительного процесса, лишённого подлинного целеполагания: система не имеет намерений в их философском и правовом смысле, не осознаёт своих действий и не способна к рефлексии.

Именно в этом пространстве — между бесспорным объектом и полноценным субъектом права — разворачивается одна из наиболее острых дискуссий современной цивилистики. Исследователи по всему миру предлагают самые различные решения: от категорического отказа от какой-либо субъектности искусственного интеллекта до введения специальных форм «электронной личности».

Применительно к гражданскому праву Республики Узбекистан данная дискуссия имеет непосредственное нормативное измерение. Гражданский кодекс Республики Узбекистан в статье 1046^[1] устанавливает, что автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. Аналогичный принцип закреплён в статье 3 Закона РУз «Об авторском праве и смежных правах»^[2].

Таким образом, действующее законодательство Узбекистана строится на концепции авторства, согласно которой необходимым и достаточным основанием возникновения авторских прав служит факт создания произведения творческим трудом конкретного человека. Данная логика

работала безупречно на протяжении десятилетий, однако системы искусственного интеллекта создают ситуацию, которую законодатель попросту не предвидел.

В цивилистической доктрине данная ситуация оценивается по-разному. О. А. Городов в учебнике «Право интеллектуальной собственности»^[3] занимает строгую позицию: произведение, созданное с помощью технических средств без творческого участия человека, должно признаваться объектом, не охраняемым авторским правом. Схожей точки зрения придерживается Е. А. Войниканис^[4], указывающая, что авторское право сконструировано под конкретного исторического субъекта — автора-человека.

Однако другие исследователи обращают внимание на то, что правовой вакуум — это не нейтральное состояние, а вполне конкретная экономическая проблема. Р. Абботт в монографии «The Reasonable Robot»^[5] убедительно показывает, что отсутствие охраны результатов деятельности искусственного интеллекта означает возможность для любого конкурента свободно копировать и использовать эти результаты, не неся никаких затрат на их создание.

Американский правовед П. Самуэльсон ещё в 1986 году^[6] предупреждала, что право интеллектуальной собственности столкнётся именно с этой дилеммой по мере автоматизации творческих процессов. Выбор между расширением понятия авторства до утраты им содержательного

смысла и правовым вакуумом сегодня стоит перед законодателем Узбекистана в самом практическом измерении.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить основные тенденции регулирования имущественных прав на результаты работы ИИ. Как справедливо отмечает Н. Ното Ла Дьега в монографии «Artificial Intelligence and Intellectual Property»^[7], ни одна правовая система не располагает готовым решением, а каждая национальная модель представляет собой своеобразный правовой эксперимент.

Европейский Союз принял Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте (EU AI Act)^[8]. Необходимо оговориться: EU AI Act — это не закон об авторских правах на результаты искусственного интеллекта, а прежде всего закон о безопасности, прозрачности и ответственности при использовании систем искусственного интеллекта. Вопросы имущественных прав остались за рамками его регулирования.

Ключевую роль в области авторского права ЕС играет Директива об авторском праве на едином цифровом рынке^[9], регулирующая Text and Data Mining — процесс автоматизированной обработки больших массивов текстов и данных, лежащий в основе обучения современных систем искусственного интеллекта.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет позиция Великобритании — единственной юрисдикции, которая ещё в 1988 году законодательно решила проблему, ставшую актуальной для остального мира лишь спустя три десятилетия. В Законе об авторском праве,

промышленных образцах и патентах 1988 года^[10] введена специальная категория «компьютерно-генерированных произведений». Раздел 9(3) устанавливает, что автором такого произведения считается лицо, предпринявшее меры, необходимые для создания произведения.

Соединённые Штаты Америки занимают наиболее жёсткую позицию: авторское право распространяется исключительно на произведения, созданные человеком. Вместе с тем американская практика выработала важный принцип: в случае гибридного творчества, когда человек и система искусственного интеллекта участвуют в создании произведения совместно, охраняется именно и только тот вклад человека, который поддаётся идентификации^[11].

Китайская Народная Республика демонстрирует принципиально иной подход. В решении Народного суда 2019 года по делу Tencent v. Shanghai Yingxun^[12] суд постановил, что произведение, отражающее «интеллектуальный вклад» разработчиков через архитектуру модели, выбор параметров и структуру данных, охраняется авторским правом. Авторские права были признаны за компанией Tencent как за юридическим лицом — работодателем команды разработчиков.

Проведённый анализ показывает, что действующее законодательство Узбекистана строится на концепции авторства, согласно которой необходимым и достаточным основанием возникновения авторских прав служит факт создания произведения творческим трудом конкретного человека. Это означает, что при «чистой» генерации произведения системой

2. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» от 20 июля 2006 г. № ЗРУ-42 // URL: <https://lex.uz/docs/1012854>.

3. Городов О. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. — М.: Проспект, 2020. — 576 с.

4. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. — Москва: Юриспруденция, 2013. — 552 с.

5. Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2020. — 278 p.

6. Samuelson P. Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works // University of Pittsburgh Law Review. — 1986. — Vol. 47. — P. 1185–1228.

7. Mendis D., Noto La Diega G. et al. Artificial intelligence and intellectual property: The View of BILETA. 2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3752956.

8. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского Парламента и Совета от 13 июня 2024 года (EU AI Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689>.

9. Директива (ЕС) 2019/790 Европейского Парламента и Совета от 17 апреля 2019 года // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019L0790>.

10. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents>.

